

УДК 343.359.2

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ: ОГРАНИЧЕННАЯ СВОБОДА ИЛИ СВОБОДА БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ?¹

Е.Е. ТОНКОВ
А.А. ГУСЕВА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

В статье показано, что реализация права на свободу в социальном государстве налагает особые обязанности на граждан по отношению к обществу и именно поэтому может быть ограничена в тех пределах, в которых этого требуют интересы обеспечения защиты общественной нравственности, здоровья, прав других граждан.

Ключевые слова: государство, коррупция, кризис, власть, криминализация, реформы, легализация, правоохранительная деятельность, правовое регулирование, свобода, частное право, диспозитивный.

Свобода каждого человека простирается лишь до той границы, от которой начинается свобода других людей. Стремясь установить эти границы, закон содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился порядок, основанный на свободе.

И.А. Ильин

Правозащитная деятельность в России, рассматриваемая с точки зрения цивилизованного социального государства, функционирует, к сожалению, не в режиме инновационного развития, а уже длительное время находится на стадии замедленного становления. В значительной степени успешность защиты прав человека основывается на конструктивном взаимодействии всех органов, осуществляющих уголовно-правовую и социальную политику государства, средств массовой информации, религиозных и общественных организаций, нормативном, юридическом, управленческом, финансовом ее обеспечении.

Противоречия между активизацией правозащитного потенциала общества и отсутствием реальных действий органов законодательной и исполнительной властей в данном направлении составляют чрезвычайно «узкое место» проблемы эффективности правозащитной деятельности на современном этапе. Нельзя не заметить, что в различных социальных слоях российского общества происходит консолидация критической массы недовольства политической и экономической ситуацией в стране, что невозможно заретушировать никакими отрепетированными «праймериз».

Представляется актуальным не только сформировать нормативно-правовую базу, но и обеспечить правовое регулирование межведомственных отношений, возникающих в процессе правозащитной деятельности. Разрозненность этих усилий не позволяет в единстве и целенаправленно реализовывать задачи правозащитной деятельности, направлять в общее русло усилия и возможности многочисленных государственных и общественных организаций.

На основе аппроксимации опытных данных и теоретических обобщений мы сочли возможным определить условия эффективности процесса модернизации правозащитной деятельности:

¹ Настоящее исследование выполнено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (государственный контракт № 16.740.11.0106 от 02.09.2010 г.).

- *системность*, то есть учет в правозащитной деятельности совокупности политических и социальных факторов, определяющих готовность государства к диалогу и непосредственному участию населения в процессе правозащитной деятельности;
- *парциальность* (представление о правозащитной деятельности как о факторе влияния на государственную правовую политику);
- *проблемная адекватность* (отражение в содержании правозащитной деятельности реальных проблем общества);
- *когнитивная адекватность* (соответствие фактического содержания правозащитной деятельности действующему законодательству);
- *персонификация* (обеспечение прямого, непосредственного участия органов государственного управления в разрешении ситуации, требующей вмешательства);
- *альтернативная выгода* (создание в обществе условий, способствующих участию населения в осуществлении правозащитной деятельности);
- *использование обратных связей*, которые служат ведущим фактором формирования системных свойств и тезауруса систем правозащитной деятельности.

Важной задачей представляется достижение консенсуса с активной частью населения, которую принято называть общественностью, по вопросу о том, что победить произвол возможно, однако причины его эскалации лежат в социальных проблемах, поэтому государство должно выступать в качестве координатора их решения.

Процесс непосредственно ориентированной координации должен охватывать действия государственных органов, муниципальных служб, СМИ, общественности, отдельных граждан, представителей деловых кругов с соблюдением следующих обстоятельств:

- граждане являются клиентами для государства и именно они определяют уровень потребностей и ожиданий от качества работы государственного аппарата;
- государство и население являются партнерами, которые в равной степени несут ответственность за состояние общественного правопорядка;
- профилактика правонарушений, недопущение криминальных проявлений должны находиться в основе работы государственного аппарата;
- эффективность деятельности государственного аппарата оценивается прежде всего населением (клиентом).

В США, например, выработана концепция, получившая название «эпоха решения гражданских проблем». В основу этой концепции положена следующая формула — *власть государственному аппарату дается по закону, от населения и для населения*. Деятельность государственного аппарата строится на демократизме, в соответствии с потребностями общества и на основе партнерских отношений с ним. При этом граждане должны взять на себя часть ответственности за ситуацию в стране. Подобные взгляды на деятельность государственного аппарата распространены и во многих западных странах.

В России, как отмечает М.Б. Смоленский, «абсолютный и надличностный характер воплощенного в образе государства добра парадоксальным образом благодаря синкретическому типу ментальности уживается на уровне социальной практики с глубокой отчужденностью от государства в лице его структур, в частности правоохранительных»². Поэтому в общественном сознании образ государства присутствует в двух измерениях — фактическом, где отсутствуют законность и справедливость, и зазеркальном, в котором витают идеи добра и общечеловеческих ценностей.

Деятельность государства предполагает наличие специально созданной им правоохранительной системы, в определенной мере ограничивающей поведение граждан. При этом «правомерное ограничение прав человека государством имеет цель поставить преграды на пути произвольному обращению с правами других субъектов»³.

Ограничения свободы поведения и выбора форм деятельности существовали на протяжении всей истории человечества. Как подчеркивает Д. Шумпетер, ни одно современное

² Смоленский М.Б. Правовая культура и идея государственности // Государство и право. – 2009. – № 4. – С. 15.

³ Гасанов К.К., Стремоухов А.В. Абсолютные права человека и ограничения прав // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 170.

общество не обеспечивает абсолютной свободы и ни одно государство не сводит ее к нулю⁴. На самом деле, проблема состоит не в наличии имеющихся правовых ограничений или дополнительном их установлении, а в отношении к ним общества. Допустимость и принципиальная необходимость правовых ограничений в рассматриваемой области правового регулирования не противоречит принципам правового государства, но и во многом предопределяется ими.

Д.Н. Бахрах и Л.А. Гущина справедливо отмечают, что «оценивая ограничивающий характер правового регулирования и пытаясь найти оптимальную форму взаимоотношений между государством и личностью, сегодня мы формируем качественно новый характер правового регулирования общественных отношений, основанного на правовом стимулировании позитивными правовыми средствами социально полезного поведения»⁵.

При этом стимулирующая роль позитивных правовых средств заключается в формировании мотивационных механизмов правомерного поведения граждан, развитии побудительных мотивов, соответствующих наиболее ценным психическим качествам личности. Правопорядок в обществе является не только показателем последовательной государственной политики и стабильности социального пространства, но и выражает уровень лояльности граждан по отношению к государству.

Граждане страны обязаны выполнять свой долг перед обществом и защищать интересы государства. Поэтому они должны знать, что им придется смириться с установленными государством правовыми ограничениями, так как закон, мораль, общечеловеческие ценности имеют приоритет и должны господствовать в демократическом обществе. Реализация права на свободу налагает особые обязанности по отношению к государству и обществу и именно поэтому может быть ограничена в тех пределах, в которых этого требуют интересы обеспечения защиты общественной нравственности, здоровья, прав других граждан.

Несмотря на относительную самостоятельность, право, как и другие виды социальных норм, осуществляет специфические регулятивные функции не изолированно, а в тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами, в частности, моралью.

Как отмечал в этой связи Гегель, который первым с философской точки зрения наиболее полно и всесторонне исследовал характер связи и взаимодействия противоречивых предметов и явлений, «...все, что существует, находится в отношении, и это отношение есть истина всякого существования. Благодаря отношению существующее – не абстрактно, не стоит само по себе, а есть лишь в другом, но в этом другом оно есть отношение с собою, и отношение есть единство соотношения с собою и соотношения с другими»⁶.

Вся доступная нам реальность есть совокупность предметов и явлений, находящихся в самых разнообразных отношениях и связях друг с другом. Любые предметы и события – звенья одной бесконечной цепи, объемлющей все существующее в мире в единое целое. При этом мы имеем в виду не только ориентированность на безусловное исполнение законов и совершенствование правоприменительной практики (хотя и то, и другое чрезвычайно важно), но наполнение государственной деятельности качественно иным содержанием, подразумевающим, в том числе, использование нравственного потенциала общества.

Вместе с тем, с юридической точки зрения, действия государственных органов, направленные на сужение диапазона свободы граждан не противоречат статье 29 Всеобщей декларации прав человека, которая вводит институт ограничения прав и свобод при наличии определенных оснований «с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе»⁷.

Кроме того, часть 3 статьи 55 Конституции РФ предусматривает ограничение федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в

⁴ Schumpeter J. *Capitalism, Socialism and Democracy*. London: Georg Allen, 1976. – P. 271.

⁵ Бахрах Д.Н., Гущина Л.А. Стимулирование правового поведения личности: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 1. – С. 24.

⁶ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – М., 1974. – Т. 1. – С. 301.

⁷ Всеобщая Декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года / Международные избирательные стандарты. Сборник документов. – М., 2004. – С. 43–44.

целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства⁸.

Мы полагаем, что в результате политико-правовой модернизации частное право должно занять центральное место в российской правовой системе, поэтому предпочтительно акцентировать внимание на переносе диспозитивных правоотношений, традиционно присущих частноправовым отраслям права, в публично-правовую сферу, когда субъект, наделенный властными полномочиями, является государственным органом и наделен правом издания односторонне-властных предписаний, адресованных другому участнику.

Как отмечает В.Ф. Яковлев, «нам следует перестроить нашу правовую систему так, чтобы в ней на основе Конституции утвердился бы приоритет частного права, чтобы не гражданин существовал для государства, а государство – для гражданина»⁹.

Государство предоставляет возможность участникам диспозитивно-личностных отношений выбирать для себя наиболее приемлемый вариант поведения, ограничивая этот выбор только требованиями соблюдения законности. Ограничение прав осуществляется путем прямых запретов использования некоторых из них, а также посредством исключения какого-либо правомочия из содержания конкретного права или же установлением специального порядка реализации такого права. Институт ограничения прав включает нормы конституционного, административного, гражданского и других отраслей права, регулируя отношения власти и подчинения в обществе.

Важнейшей характеристикой правозащитной деятельности служит ее легитимность, результатом которой является способность и готовность граждан следовать определенным правилам, соблюдать правовые ограничения и закрепленные обязательства.

По справедливому замечанию Н.В. Исакова, следствием «признания политического и правового порядка легитимным становится добровольное подчинение граждан законам и установлениям власти»¹⁰.

Содержание феномена свободы личности нельзя раскрыть на основе только объективного материального бытия, так как действительный смысл свободы обнаруживается в диалектике объективного и субъективного. Объективное содержание свободы обуславливается как отношением управляющего субъекта к объекту, так и всей совокупностью управленческих взаимодействий. Субъективный момент в содержании свободы характеризуется тем, что отражение является в данном случае свойством объекта, выступающего одновременно в качестве субъекта самопознания и саморазвития. Именно субъективный момент, включая в себя познанную необходимость, становится предпосылкой правозащитной деятельности населения.

Российская правовая доктрина вот уже в течение многих лет отдает приоритет целям и интересам государства, а уже опосредованно речь идет о целях, ориентациях, потребностях индивидов, составляющих социум. По отношению к личности интересы государства выступают в качестве определенной системы требований, направляющих, ограничивающих и регулирующих ее социальное поведение. Не случайно Ю.А. Тихомиров называет одним из признаков публичного права положение, в соответствии с которым государственные органы – субъекты публично-правовых отношений¹¹.

В процессе реализации большинства юридических форм осуществления государственной власти движущими силами являются главным образом не личные интересы, а потребности государства, в той или иной мере предлагаемые индивидам для усвоения. Априори предполагается, что деятельность государства носит публично-правовой, а не частноправовой характер, поэтому, например, правоохранительные интересы граждан охраняются, соответственно, в основном, не гражданским законодательством.

⁸ См.: Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 2009. – 21 янв.

⁹ Яковлев В.Ф. Выступление на III сессии Европейско-Азиатского правового конгресса // Российский юридический журнал. – 2009. – № 4. – С. 14.

¹⁰ Исаков Н.В. Теоретико-методологические основы правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – № 1. – С. 21.

¹¹ Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. – 2001. – № 5. – С. 3.

Общее родовое понятие публичного интереса корреспондируется здесь с такими видовыми нормативными понятиями, как интересы общества и государства, национальной безопасности и т.д. Устанавливая границы юридически возможной деятельности, ограничивая человеческую независимость, само право представляет собой ограничение.

Еще Е.Н. Трубецкой отмечал: «Где свобода отдельного лица не ограничена никакими правилами, никакими предписаниями, там нет вообще права: существенным признаком права является правило, или норма, ограничивающая свободу»¹².

Г.Ф. Шершеневич называл обязанностью осознание связанности своей воли, подчеркивая, что при этом «человек действует не так, как побуждают его собственные интересы, он считает необходимым ограничить себя в возможном фактически осуществлении интересов из-за интересов других»¹³.

Вместе с тем, как считал И.А. Ильин, «ограничивая свободу каждого известными пределами, закон обеспечивает ему зато беспрепятственное и спокойное пользование своими правами, т.е. гарантирует ему свободу внутри этих пределов»¹⁴.

Развивая эту идею и исходя из необходимости оптимального сочетания публичного и частного интересов в политико-правовой модернизации государственной деятельности, мы сочли возможным использовать ранее разработанный нами и апробированный в предыдущих исследованиях *диспозитивно-личностный подход – совокупность принципов и методов правового регулирования, означающую, что в процессе правозащитной деятельности гражданам в пределах установленных юридических ограничений обеспечиваются условия для реализации собственной социально-правовой активности и возможность свободно распоряжаться своими правами, психологическими и материальными ресурсами при выборе форм целесообразного поведения.*

Конструкция нового подхода к пониманию правозащитной деятельности определяется тем, что возникающие правоотношения представляют собой единство объективного и субъективного, публичного и частного интересов, являясь как результатом осознанных действий участников, так и следствием объективного развития ситуации.

Известно, что в системе права выделяются две правовые семьи – публичного и частного права. Как отмечает В.Ф. Яковлев, сферы действия обеих важно различать: частное и публичное право надо использовать уместно, там, где они должны обязательно «присутствовать», и нельзя их применять в той сфере, которая не является их предметом¹⁵.

Поэтому особую актуальность данный подход приобретает в период развития в России гражданского общества, рассматриваемого как система внесударственных общественных отношений, институтов, которая формируется на основе реализации принципов индивидуальной свободы, правового равенства граждан, их самостоятельности и самоорганизации, достигает наиболее полного развития в демократических правовых государствах.

Правовые ограничения не только устанавливают границы субъективных прав, но и определяют ту нишу, в пределах которой человек может свободно действовать и развиваться как личность в случае правомерного поведения. При этом он самостоятельно избирает формы и методы достижения как лично значимых, так и социально полезных целей. Как известно, термин «диспозитивность» образован от латинского *dispositivus*, означающего право участников договора или процесса действовать по своему усмотрению. Диспозитивно-личностный подход не отрицает нормативного подхода к понятию права, а только дополняет его, расширяет его границы.

Как отмечает М.И. Байтин, «нормативный характер права заключается в том, что право как государственная воля общества проявляется в реальной жизни не иначе как сис-

¹² Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. – СПб., 2001. – С. 291.

¹³ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1912. – С. 619–620.

¹⁴ Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. – 1992. – № 3. – С. 96.

¹⁵ См.: Яковлев В.Ф. О взаимодействии публичного и частного права // Публичное и частное право: проблемы развития и взаимодействия, законодательного выражения и юридической техники. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 1999. – С. 3.

тема официально признаваемых и действующих в данном государстве юридических норм в их материалистическом понимании»¹⁶.

Диспозитивный – это «допускающий выбор». В центре внимания данного подхода, с одной стороны, находятся цель и организационное обеспечение процесса государственного управления, а с другой – правосубъектность структур и граждан, включенных в систему реализации правозащитной деятельности.

О.Ю. Глухова определяет институт диспозитивности как «совокупность правовых норм, содержащих юридическую свободу (возможность) осуществлять субъективные права (приобретать, реализовывать, распоряжаться), закрепленные в нормах материального права, и распоряжаться средствами их защиты, закрепленными в нормах процессуального права, по своему усмотрению в пределах закона»¹⁷.

Диспозитивно-личностное регулирование правоотношений предполагает, что участники находятся в равноправном положении, наделяются правом выстраивать свои взаимоотношения на взаимовыгодных (эквивалентных) условиях. Содержание института диспозитивности представляет свобода лиц и их объединений, определяемая уровнем демократизации общества, зафиксированным в соответствующей нормативной форме.

При этом «правомерное ограничение прав человека государством имеет цель поставить преграды на пути произвольному обращению с правами других субъектов»¹⁸.

Права и свободы человека составляют условия его нормальной жизнедеятельности, своеобразный каталог социальных, юридических и политических благ и возможностей, которыми он может свободно пользоваться. Ограничение прав осуществляется путем прямых запретов использования некоторых из них, а также посредством исключения какого-либо правомочия из содержания конкретного права или же установлением специального порядка реализации такого права. Институт ограничения прав включает нормы конституционного, административного, гражданского и других отраслей права, регулируя отношения власти и подчинения в обществе.

В юридической науке выделяют материальную диспозитивность и формальную диспозитивность. Материальная диспозитивность представляет собой юридическую свободу выбора варианта поведения, которая содержится в нормах материального права, то есть означает свободу распоряжаться материальными правами. Формальная диспозитивность предполагает возможность по своему усмотрению использовать средства защиты материальных прав, закрепленную в нормах процессуального права.

Государство и общество рассматриваются нами как равноправные партнеры и, следовательно, как участники диспозитивных правоотношений. Фактически каждая отрасль права использует оба метода (императивный и диспозитивный), то есть всегда, как замечает С.П. Маврин, «имеет место их сочетание, которое, правда, характеризуется преобладанием императивных или диспозитивных начал, обусловленных природой регулируемых отношений»¹⁹.

Содержание феномена свободы личности нельзя раскрыть на основе только объективного материального бытия, так как действительный смысл свободы обнаруживается в диалектике объективного и субъективного. Объективное содержание свободы обуславливается как отношением управляющего субъекта к объекту, так и всей совокупностью управленческих взаимодействий. Субъективный момент в содержании свободы характеризуется тем, что отражение является в данном случае свойством объекта, выступающего одновременно в качестве субъекта самопознания и саморазвития. Именно субъективный момент, включая в себя познанную необходимость, становится предпосылкой социально-правовой активности.

Акцентирование внимания на правосубъектности при осуществлении диспозитивно-личностного подхода обусловлено тем, что даже в фундаментальной работе Ю.А. Тихо-

¹⁶ Байтин М.И. Сущность права. – М., 2005. – С. 63.

¹⁷ Глухова О.Ю. Институт диспозитивности в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – С. 7.

¹⁸ Гасанов К.К., Стремоухов А.В. Абсолютные права человека и ограничения прав // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 170.

¹⁹ Маврин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 208.

мирова, посвященной теории компетенции, граждане рассматриваются как субъекты частноправовых отношений, которые сталкиваются с компетенцией органов власти и являются главным образом правообязанными²⁰.

Нас же, в первую очередь, привлекает не только превентивный характер правовых ограничений, но и возможность с помощью метода правового регулирования стимулировать социально-правовую активность населения в целях повышения эффективности правоохранительной деятельности.

В результате правовые ограничения занимают подчиненное положение, выступая, как верно заметил Н.Н. Семенюта, в качестве вспомогательной формы воздействия права²¹.

Роль социальных и правовых норм не сводится к созданию ограничений для личности, но и рассматривается в качестве фактора, определяющего поведение индивидуума в жизненно-важных ситуациях и регулирующего отношения людей для достижения максимально возможного уровня свободы каждого из нас.

При всем многообразии и при всей разнохарактерности отношений между правовыми ограничениями и правовыми возможностями в процессе правоохранительной деятельности общим основанием для них является диалектическое противоречие, представляющее собой универсальную онтологическую структуру, присутствующую во всех сферах бытия.

Основными признаками диалектических противоположностей правовых ограничений и правовых возможностей являются взаимоположение, взаимопроникновение и асимметрия, что означает наличие в каждом случае ведущей (доминирующей) и ведомой (подчиненной) сторон, каждая из которых характеризуется своей тенденцией изменений.

Как отмечалось еще в ст. 4 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года, «свобода состоит в возможности делать все, что не вредит другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми границами, которые обеспечивают другим членам общества пользование этими же правами»²².

Правоохранительная деятельность предназначена для эффективной реализации прав и свобод человека и именно в этом заключается её смысл и цель в гражданском обществе. Права человека и его интересы приоритетны по отношению ко всем иным правам, свободам и интересам, если они не ограничивают, а тем более, если не нарушают законные права, свободы и интересы других. Правоохранительная деятельность, таким образом, направлена, в первую очередь, на защиту человека и восстановление его нарушенных прав.

Конституция РФ содержит ряд норм, представляющих собой предписания, входящие в круг полномочий органов государственной власти:

- о человеке, его правах и свободах как высшей ценности, защита которой является обязанностью государства и всех его органов (ст. 2, 17 и 18);
- о демократическом, правовом, социальном характере Российского государства (ст. 1 и 7);
- о равенстве всех перед законом и судом (ст. 19);
- о гарантировании государственной защиты прав и свобод человека и гражданина и, в частности, гарантировании судебной защиты (ст. 45–48).

Таким образом, правоохранительная функция получила закрепление на конституционном уровне. Кроме того, конституционные нормы-принципы развиты в федеральных конституционных и федеральных законах, в подзаконных актах. Права человека являются центральным звеном государственной и правовой жизни, одним из важнейших институтов права, с помощью которого регулируется правовой статус человека, определяются пределы вторжения в его личную жизнь. Можно констатировать, что в российском законодательстве сформирован межотраслевой комплексный институт прав человека.

Н.В. Витрук в своих ранних работах условно разделяет понятия «охрана» и «защита» прав граждан, понимая под охраной прав деятельность, направленную на устранение препятствий в реализации прав, на профилактику и предупреждение нарушений прав, а защита, по его мнению, наступает тогда, когда есть неисполнение обязанности или зло-

²⁰ Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. – М., 2001. – С.60-62.

²¹ Семенюта Н.Н. Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000. – С.8.

²² Современные зарубежные конституции. – М., 1992. – С.98.

употребление правом, возникает препятствие в осуществлении прав, имеется спор о наличии самого права. Вместе с тем, Н.В. Витрук считает возможным фактически объединить обе рассматриваемые категории в единое целое – охрану (защиту) прав²³.

Совершенствование взаимоотношений государства и общества требует поиска взаимоприемлемых решений и инициативного взаимодействия на основе готовности к консенсусу. Необходимо, чтобы не только государство, но и население проявили желание разрешить проблему. Без этого невозможно обеспечить эффективность социального взаимодействия и адекватной коммуникации. Правовые ограничения призваны при этом обозначить пределы негативной активности и создать условия для повышения уровня позитивной активности граждан, которая непосредственно связана с их правами, свободами и законными интересами.

Как справедливо подчеркивают В.А. Затонский и А.В. Малько, гражданин «вынужден это делать, если желает добиться обладания конкретным социальным благом, особенно в тех жизненных ситуациях, когда его право на это оспаривается»²⁴.

Степень жесткости юридического регулирования, наличие ограничений для активности субъектов права зависит от политического режима, сложившегося в государстве, демонстрирующего соотношение и взаимодействие гражданского общества и государства, объем политических, социальных, экономических прав и свобод личности и реальные возможности их осуществления.

Настроение общества, как и любое другое социальное настроение, не отличается стабильностью, однако это не лишает его внутренней готовности к сопротивлению обстоятельствам. У населения появилось явно выраженное чувство стремления к покою, безопасности, что выражается в обращении к силе, которая сможет защитить граждан от произвола, правового беспредела²⁵.

Характер взаимоотношений между государственными органами и населением представляет собой один из значимых индикаторов социально-политической ситуации в стране. Незаконные действия сотрудников органов государственной власти в отношении прав и свобод личности или даже пренебрежительное отношение воспринимаются гражданами очень остро и болезненно.

Проблемой выступает и то, что подчас государство не только неэффективно выполняет свои функции, но и само нарушает права граждан. Факты беззакония в деятельности властных структур опасны не только тем, что причиняют непосредственный вред конкретному лицу, но и порождают правовой нигилизм общества.

К сожалению, такая ситуация имеет в России глубокие исторические корни. Еще А.И. Герцен, подчеркивая правовую необеспеченность русского народа и полное отсутствие равенства перед судом, писал: «Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство»²⁶.

В какой-то момент люди утратили уверенность в своей защищенности государством. Рассогласование взаимодействия граждан и государства, являющееся итогом ошибочной, ориентированной на параметры государственной самооценки внутренней политики, находит свое выражение не только в росте преступности, но и в поведении законопослушных граждан, в их реакции на поведение чиновников, в оценках способности государства обеспечить общественную безопасность. Это ставит перед государством задачу разработки системы мер по взаимодействию с населением, начиная от индивидуальной работы с обратившимся за помощью и заканчивая влиянием на общественное правосознание.

Поэтому вполне актуальными представляются не только интенсификация работы властных структур, но также поиск и использование новых форм и методов решения про-

²³ См.: Витрук Н.В. Процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан // Юридическая процессуальная форма: теория и практика. – М., 1976. – С. 104–115.

²⁴ Затонский В.А., Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: опыт теоретического осмысления // Правоведение. – 2006. – № 4. – С. 11.

²⁵ См.: Ермаков В.Г., Зубова О.В. Ограничение конституционных прав граждан при государственно-правовом регулировании борьбы с терроризмом: Монография. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. – С. 67.

²⁶ Герцен А.И. Собр. соч. – М., 1998. – Т. 7. – С. 251.

блем взаимодействия государства с населением, научная разработка путей дальнейшего совершенствования стратегии правозащитной деятельности именно на этой основе.

С целью сдерживания криминализации страны специалисты и ученые пытаются выявить ее причины. Некоторые из них в качестве основных причин роста преступности видят ухудшение экономических условий, другие – рост детской безнадзорности и беспризорности, третьи – культ насилия, господствующий в работе средств массовой информации, четвертые – недостатки действующего законодательства, пятые – нестабильность общественного устройства и т.д.

Безусловно, данные причины оказывают влияние на состояние правосознания, но крайне затруднительно с достаточной долей уверенности только этим объяснить распространение преступности, особенно среди молодежи. Можно предположить существование определенных социальных закономерностей, обусловленных переходом российского общества в качественно новое состояние и способствующих росту преступности.

Интеграция экономики, включая ее техническое совершенствование, повлекла за собой и побочное следствие – интеграцию нелегальной экономики. Наркобизнес, незаконная торговля оружием составляют значительную часть теневой экономики, активно используют интеграционные процессы для усиления своего влияния на мировое пространство. В Россию активно проникает транснациональный наркобизнес, который не только постоянно наращивает свои объемы, но и развивается в направлении материально-технического и технологического вооружения.

Большинством исследователей отмечается высокий уровень организованности преступности, что обусловлено спецификой криминальной экономики, предусматривающей систему производства сырья, переработку, транспортировку, контрабанду и разветвленную сеть сбыта. Это свидетельствует о том, что процесс криминализации общества рассматривается криминальными структурами прежде всего с точки зрения экономических интересов. Сыграла свою роль естественная либерализация правовых барьеров на постсоветском пространстве при отсутствии эффективного правоприменения существующей юридической базы.

Кроме того, криминализация России своеобразной «платой за свободу», следствием глобального «социального аутсайдерства», когда многие люди оказываются вне существующего общества, выталкиваются из него. Это происходит в результате дефектности социализации, которая приобрела стихийный, неуправляемый характер. Российское общество утрачивает систему социального контроля над процессом становления подрастающего поколения, многие традиционные институты социализации, такие как семья, школа, детские и молодежные организации теряют свое значение, а на смену им, кроме горьковских университетов «улицы», ничего не пришло.

В результате процесс социализации носит все более негативный характер, граждане испытывают в настоящее время в большей степени духовный прессинг криминального мира и его ценностей, а не позитивное влияние институтов гражданского общества.

Другой особенностью современной ситуации в России является значительный рост проявлений криминальной агрессии как выражение экстремальности политической и экономической ситуации в стране. Известно, что агрессия имеет как внешнюю, так и интрасубъектную направленность. Интрасубъектная направленность агрессии прежде всего выражается в суициде. В России в последние годы на 100 тыс. населения совершалось 60–70 самоубийств, что в 3–3,5 раза превышает среднемировой уровень суицида, установленный Всемирной организацией здравоохранения. Криминальное проявление агрессии выражается прежде всего в таких формах насилия как умышленные убийства, причинения тяжкого вреда здоровью.

Анализ насильственной преступности свидетельствует о таких негативных тенденциях, как рост жестокости, широкое использование огнестрельного оружия, распространение заказных убийств, учащение случаев захвата заложников и, наконец, проявление агрессии как модели.

Характеристика преступности в России позволяет выделить негативные тенденции, имеющие общенациональное значение:

- Количественный рост преступности в целом.

- Значительное увеличение в структуре преступности доли тяжких и особо тяжких преступлений.
- Существенное изменение мотивации противоправного поведения (широкое распространение корыстных преступлений).
- Преобладание среди преступников лиц без постоянного источника дохода, что тесно связано с резкой дифференциацией населения по имущественному положению, обусловленной продолжающимися кризисными социально-экономическими процессами.
- Увеличение относительного удельного веса преступности несовершеннолетних.

Приведенный анализ показывает, что криминогенная ситуация в России остается сложной. Законопослушное население страны не ощущает своей безопасности, не чувствует себя защищенным от преступных посягательств, что отражается на общем климате доверия по отношению к государству.

Правоохранительные органы в государственном механизме занимают специфическое место в силу возложенных на них задач по борьбе с преступностью, охране общественного порядка, обеспечению безопасности граждан. Для этого они наделены особыми государственно-властными полномочиями, подкрепленными необходимыми средствами и методами принуждения, приемами силового воздействия на правонарушителей вплоть до применения огнестрельного оружия.

Данная деятельность неизбежно сопряжена с вторжением при необходимости в личную жизнь человека, что обуславливает исключительную остроту вопроса о негативном отношении населения к правоохранительным органам и низкой степени доверия к ним. В правоохранительных органах обыватель, в основном, усматривает только силу, которая должна противостоять преступности. Борьба с преступностью задает основные содержательные и структурные параметры деятельности правоохранительных органов, а то, что оказывается за рамками борьбы с преступностью, воспринимается уже как менее значимое.

Л.И. Спиридонов еще более двадцати лет назад отмечал, что преступление в конечном счете «выступает не как объективное свойство поступка человека, разрушающего объективно существующий порядок отношений между людьми, а как результат применения к индивиду норм и санкций, которые, собственно, и превращают его в преступника»²⁷.

Узкий диапазон осознания только репрессивного значения функций правоохранительных органов инициирует прогрессирующий рост их отчужденности от общества. Проблема заключается в непонимании большей части населения того, что органы правопорядка не определяют состояние правоотношений и уровня преступности. Правовая ситуация определяется не только уровнем профессионализма и добросовестностью сотрудников, а в первую очередь – политикой государства, уровнем развития общества, материальным благополучием граждан, их нормативной и ценностной культурой. Нарушение законов, несоблюдение элементарных прав и свобод человека, массовый произвол должностных лиц, коррупция, рост преступности свидетельствуют о низкой правовой культуре государства в целом.

Вместе с тем, «баланс между объективными и субъективными основаниями криминализации сложен и во многом зависит от расстановки политических сил в стране»²⁸.

Поэтому постановка методики оценки деятельности правоохранительной системы «в зависимости от изменений в динамике и структуре преступности справедлива лишь в условиях социальной стабильности, когда процесс криминализации общества не характеризуется частыми и стремительными изменениями»²⁹.

Система не заинтересована показывать реальное состояние преступности, поскольку нередко это влечет негативные последствия для сотрудников. В результате возникает парадоксальная ситуация, когда укрытие преступлений от учета, произвольное манипулирование статистикой составляют положительные факторы для органов государственной

²⁷ Спиридонов Л.И. Социология и уголовное право. – М., 1986. – С. 97.

²⁸ Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 47.

²⁹ Скоморохов Р., Шиханов В. Значимость статистических сведений о состоянии преступности // Законность. – 2004. – №8. – С. 43.

власти, выстраивают фундамент для иллюзорного движения вперед по пути укрепления безопасности и правопорядка.

Ничего, кроме недоумения, не может вызвать, например, составленный экспертами Центра экономических исследований «РИА-Аналитика» на основании данных МВД РФ и Росстата рейтинг регионов России по степени криминогенной опасности населения за первое полугодие 2011 года. Оказалось, что наиболее безопасными регионами нашей страны, по мнению исследователей, являются Ингушетия, Дагестан и Чеченская республика. Комментарии, как говорится, излишни.

Поэтому следует согласиться с О.Э. Лейстом, что авторитетность права зависит прежде всего от политико-правового режима, т.е. от отношения к праву лиц, облеченных властью, а также от его справедливости, эффективности и стабильности³⁰.

Все отчетливее обнаруживается, что органы исполнительной власти не обеспечивают реализацию охранительной функции государства, а правозащитное направление и вовсе находится где-то «на задворках» государственной политики.

Как отмечает В.В. Лунеев, «мы имеем самую низкую эффективность деятельности милиции (полиции). И никто знать об этом не желает и не дает разобраться в этом ученым»³¹.

В этих условиях абсолютно необходимыми представляются не только интенсификация работы, но также поиск и использование новых форм и методов развития правоохранительной системы. Задачи, функции, средства и процедуры их реализации определяют касающийся практически всех граждан России объем коммуникаций, взаимоотношений правоохранительных органов и населения. Это подтверждает мнение о том, что правоохранительные органы по разнообразию регулирующих, контролирующих, разрешающих и профилактических функций являются самым дифференцированным и действительно ближайшим к населению звеном государственной власти.

Вместе с тем, до сих пор ни одно общество не достигло идеала верховенства права. Для этого не просто необходимо, чтобы в распоряжении общества имелись совершенные законы, но и чтобы государственные органы последовательно руководствовались ими в своей работе.

Как справедливо подчеркивает Т.А. Эндикотт, достижению верховенства права, в первую очередь, может помешать нарушение норм закона должностными лицами³².

На рост преступности в России, как и на всем постсоветском пространстве, оказывает влияние не только слабость правоохранительной системы, но и ее традиционная ориентированность на приоритет защиты интересов государства и общественной собственности, а не прав и свобод личности.

Д.А. Медведев называет суд самой авторитетной властью, аргументируя свою позицию тем, что «в суде формируется и отношение людей к государству, оценивается способность государства защищать интересы, применять силу закона и восстанавливать справедливость»³³.

При этом он подчеркивает *правозащитные качества* судебной системы: «обеспечение прав и свобод граждан при помощи правосудия, гарантированность судебной защиты для каждого, презумпция невиновности обвиняемого, охрана прав потерпевшего от преступлений, злоупотреблений властью и ряд других принципов, которые непосредственно вытекают из Конституции»³⁴.

Концептуальный пересмотр правозащитной деятельности, создание новой модели взаимодействия человека и власти обуславливают реорганизацию не только механизма реализации публичных прав и свобод, но и выбор качественно иной системы защиты и восстановления нарушенных интересов. Процедура защиты прав и свобод является составной частью механизма реализации права, отражающий уровень развития общества и государства.

³⁰ См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало, 2002. – С. 65.

³¹ Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 54.

³² См.: Endicott T.A. Impossibility of the rule of law // Oxford j. of legal studies. – 1999. – Vol. 19, № 2. – P. 312–330.

³³ Медведев Д.А. Выступление на VII Всероссийском съезде судей // Российский судья. – 2009. – № 1. – С. 4.

³⁴ Там же.

По мнению А.Г. Седышева, механизм юридической защиты прав и свобод человека представляет собой систему нормативно-определенных судебных и внесудебных способов, взаимодействующих между собой и направленных на эффективность юридической защиты прав и свобод человека.

Структура рассматриваемого механизма включает в себя судебные и внесудебные способы защиты прав и свобод человека, состоящие из институциональных, организационных, контрольных, надзорных мероприятий, правомерной деятельности субъектов права, общественного мнения и ответственности³⁵.

Е.В. Вавилин считает, что механизм защиты субъективных гражданских прав – это индивидуально выстроенная система правовых средств и условий, направленная на достижение конечной цели по юридическому и фактическому восстановлению нарушенных прав либо пресечению их нарушения.

Цель защиты, по его мнению, заключается в том, чтобы восстановить нормальный желаемый для конкретного субъекта, общества и государства ход реализации прав³⁶.

Эффективное сочетание судебного и внесудебного способов оспаривания действий и решений органов публичной администрации гражданами и организациями может обеспечить развитие демократических начал в жизни гражданского общества, повысить заинтересованность граждан в управлении государством.

Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с этим нуждается в дальнейшем совершенствовании посредством предоставления гражданам возможности активного поведения при рассмотрении жалоб, закрепления ответственности должностных лиц за преследование за критику, установления более подробных процедур вынесения и исполнения решений по жалобам и многое другое³⁷.

Тем не менее, в этом законе впервые на уровне Российской Федерации определен терминологический аппарат всего производства по обращениям граждан (статья 4).

Перспективы развития демократии в России актуализируют необходимость последовательного реформирования концептуальных основ механизма защиты публичных прав и свобод граждан и организаций. Принятие половинчатых решений в области утверждения новых стандартов обжалования решений и действий органов публичной власти с большой степенью вероятности может привести к дискредитации идей модернизации и расширению диапазона правового нигилизма населения.

Список литературы

1. Байтин М.И. Сущность права. – М., 2005.
2. Бахрах Д.Н., Гуцина Л.А. Стимулирование правового поведения личности: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 1. – С. 24.
3. Вавилин Е.В. Некоторые проблемы механизма защиты субъективных гражданских прав // Правоведение. – 2002. – № 3. – С. 178–179.
4. Витрук Н.В. Процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан // Юридическая процессуальная форма: теория и практика. – М., 1976.
5. Всеобщая Декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года / Международные избирательные стандарты. Сборник документов. – М., 2004.
6. Гасанов К.К., Стремоухов А.В. Абсолютные права человека и ограничения прав // Правоведение. – 2004. – № 1.
7. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – М., 1974. – Т. 1.
8. Герцен А.И. Собр. соч. – М., 1998. – Т. 7.
9. Григорова Т.В. Коррупция в России: сущность, причины возникновения и социально-экономические последствия. – Новосибирск, 1999.
10. Глухова О.Ю. Институт диспозитивности в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009.

³⁵ См.: Седышев А.Г. Проблемы понимания механизма юридической защиты прав и свобод человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2003. – С. 7.

³⁶ См.: Вавилин Е.В. Некоторые проблемы механизма защиты субъективных гражданских прав // Правоведение. – 2002. – № 3. – С. 178–179.

³⁷ Российская газета. – 2006. – 5 мая.

11. Григорова Т.В. Коррупция в России: сущность, причины возникновения и социально-экономические последствия. – Новосибирск, 1999.
12. Дьячковский С.А. Состояние криминальной ситуации в России. Проблемы противодействия преступности // Закон и право. – 2004 – №3.
13. Затонский В.А., Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: опыт теоретического осмысления // Правоведение. – 2006. – № 4.
14. Ермаков В.Г., Зубова О.В. Ограничение конституционных прав граждан при государственно-правовом регулировании борьбы с терроризмом: Моногр. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004.
15. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Правоведение. – 1992. – № 3.
16. Исаков Н.В. Теоретико-методологические основы правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – № 1.
17. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Рос. газета. – 2009. – 21 янв.
18. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. – 2004. – № 12.
19. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М.: Зерцало, 2002.
20. Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. – 2009. – № 1.
21. Маврин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. – 2003. – № 1.
22. Медведев Д.А. Выступление на VII Всероссийском съезде судей // Российский судья. – 2009. – № 1.
23. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Рос. газета. – 2006. – 5 мая.
24. Седьшев А.Г. Проблемы понимания механизма юридической защиты прав и свобод человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2003.
25. Семенюта Н.Н. Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000.
26. Скоморохов Р., Шиханов В. Значимость статистических сведений о состоянии преступности // Законность. – 2004. – №8.
27. Смоленский М.Б. Правовая культура и идея государственности // Государство и право. – 2009. – № 4.
28. Современные зарубежные конституции. – М., 1992.
29. Спиридонов Л.И. Социология и уголовное право. – М., 1986.
30. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. – М., 2001.
31. Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. – 2001. – № 5.
32. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. – СПб., 2001.
33. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1912.
34. Яковлев В.Ф. О взаимодействии публичного и частного права // Публичное и частное право: проблемы развития и взаимодействия, законодательного выражения и юридической техники. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 1999.
35. Яковлев В.Ф. Выступление на III сессии Европейско-Азиатского правового конгресса // Российский юридический журнал. – 2009. – № 4.
36. Endicott T.A. Impossibility of the rule of law // Oxford j. of legal studies. – 1999. – Vol. 19, № 2.
37. Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. London: Georg Allen, 1976. – P. 271.

LAW ENFORCEMENT IN RUSSIA: RESTRICTION OF FREEDOM OR FREEDOM WITHOUT RESTRICTION?

E.E.TONKOV
A.A.GUSEVA

Belgorod National Research University

e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

This article is devoted to the problem of realisation of right to freedom in social state. As the author points out, realisation of right to freedom confirms obligations upon citizens. It is underlined that it can be restricted within protection of public morality, health and rights of other citizens.

Key words: state, corruption, crisis, power, criminalization, reforms, legalization, law enforcement activity, legal regulation, freedom, individual right, non-mandatory.